

Вырезка из газеты

СТАВРОПОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

г. Ставрополь

ЖДУ ТЕБЯ

Документальный рассказ

ЭТА ИСТОРИЯ удивительна. Впрочем, вам предстоит убедиться в том, как жизнь странным образом переплела, точно сюжетные линии в романе, судьбы людей...

...Керчь пала. Мы прошли по улицам разбитого города. Огонь яростно плясал на развалинах. Красноватые блики делали наши лица бронзовыми. Город казался мертвым.

В нескольких километрах от Керчи есть старая крепость. В ней и расквартировали нас. Впервые после долгих ночей под открытым небом над нами был кров. Не ахти какой это был кров: серовато-зеленые, замшелые камни, по которым струилась вода. Но, право, мы были счастливы. Расстелив шинели, мы в изнеможении упали на пол нашей временной квартиры. Трепала котилка, сделанная из гильзы сорокапяти-миллиметрового снаряда. Ее треск напоминал стрекот пулемета.

Мы еще были там, на середине Керченского пролива... Мы еще переправлялись с Чушки на Крымский полуостров... Мы еще слышали вой фашистских снарядов... Мы еще видели ярко-белые лучи прожекторов, они лихорадочно бегали по волнам беспокойного пролива... Мы еще были в бою...

И вдруг гулкую тишину крепостной шtolьни разорвал голос:

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди,
Жди, когда наводят
грусть

Желтые дожди...

Гортанно, с небольшим, но приятным акцентом читал мой друг Кери Баскаев.

Много позднее мне доводилось слышать знаменитые стихи Константина Симонова в исполнении больших артистов, но они не могли затмить то чтение, которое я услышал в шtolьне старой крепости...

Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других
не ждут,

Позабыв вчера...

Нет, это были не стихи... Это было заклинание. Мы требовали от своих возлюбленных, оставшихся там... Там — далеко... Мы требовали верности. Она была нам необходима для победы. Для жизни...

Кто-то вздохнул. Кто-то ахлинул. А может быть, этот звук издала вода, стекающая по серо-зеленым стенам...

— Есть ответ на это стихотворение, — негромко сообщил Петр Амбалов.

Мы молчали. Нам не хотелось разговаривать. А он стал так же негромко читать:

Жду тебя в глухую
полночь,
Жду морозным днем,
Жду, когда метель,
рыдая,

Бьется под окном.

Жду тебя, пусть
все тропинки
Снегом замело.

Жду и верю —
ты вернешься
Всем смертям назло...

Что это? Нет, правда, что это? Неужто наши заклинания долетели до любимых и вернулись с их ответом?!

Жду тебя и вечно помню
Только об одном:
Ты с победой
возвратишься

В свой родимый дом.

Мы лежали притихшие, ошеломленные, будто услышали го-

лоса своих любимых — матерей, жен, невест. Они ждали нас. Они верили в нашу победу.

Пусть пройдут весна
и лето,

И зима опять,
Ждать тебя я не устану.
Жду и буду ждать...

Точно удаляющееся эхо, летел голос: «Жду и буду ждать... Жду и буду ждать... Жду...»

Может быть, эти стихи несовершенны. Но звучали они тогда потрясающе. Они напоминались с первого раза — и навсегда.

Кто-то спросил:

— Сам написал, Кери?

— Нет.

— А кто?

— Не знаю. Я у знакомого парня из второго эскадрона переписал.

Забегая вперед, могу сказать, что вскоре стихотворение «Жду тебя» знал весь наш фронт. И на привалах, и в короткие мгновения передышки читали сначала Константин Симонов, а затем ответ, написанный неизвестным...

Тревога!

Мы рванулись из крепости, кинулись в объятия ночи. А навстречу нам неслись трансирующие очереди. Обрываясь, белые пунктиры уносили жизни моих товарищей.

В ту ночь был тяжело ранен Кери Баскаев. Я таскал его на себе с поля боя. Потом зацепило и меня. Но я продолжал ползти с другом. Стиснув зубы, я полз, подбадривая себя словами:

Как я выжил,

будем знать

Только мы с тобой.

Просто ты умела ждать,

Как никто другой...

Я уже ничего не видел. Потемнело в глазах, кончились силы. И когда показалось, что уже все, что наступил конец, услышал вдруг женский голос:

Пусть пройдут весна
и лето,

И зима опять.

Ждать тебя я не устану.

Жду и буду ждать...

Мы с Кери добрались до полевого госпиталя. Собрали последние силы — и добрались...

ПРОШЛО более тридцати пяти лет. Что там говорить — много прошло времени. Как-то в Карачаевске случай свел меня с Аминат Калоевой — матерью Александра Калоева, геройски погибшего в годы войны.

Седовласая женщина не без гордости показала небольшой сборник стихов Константина Симонова, выпущенный издательством «Молодая гвардия» в 1969 году.

— Очень дорогая для меня книга, — сказала женщина и раскрыла ее. На титульном листе я прочитал: «Аминат Калоевой на добрую память. К. Симонов. 14/VII-70 г.»

— Что послужило поводом для писателя прислать вам свою книгу с автографом?

— Как вам сказать? — Аминат задумалась. — В 1942 году я написала стихотворение и послала своему сыну Александру на фронт. Каким-то образом оно попало к Константину Михайловичу. Вот он и прислал свою книжку.

— Какое стихотворение? — полюбопытствовала я.

Аминат достала два листка бумаги, вырванных из школьной тетради. Не без волнения я начал читать:

Жду тебя
в глухую полночь,
Жду морозным днем,
Жду, когда метель,
рыдая,

Бьется под окном....

Откуда-то из далеких кладовых памяти выплыла Керчь, пламя, пожирающее то, что не успели уничтожить фашисты. Крепость и шtolьня... Короткий ночной бой... Тяжело раненный Кери... Мое бессилие и сила слов этой маленькой женщины.

Я склонился перед ней и прикоснулся губами к ее руке. Я склонился, понимая, почему Константин Симонов счел долгом послать Аминат Калоевой — матери героя — свою книгу, где напечатано стихотворение «Жди меня».

Георгий ТОВГАЗОВ.